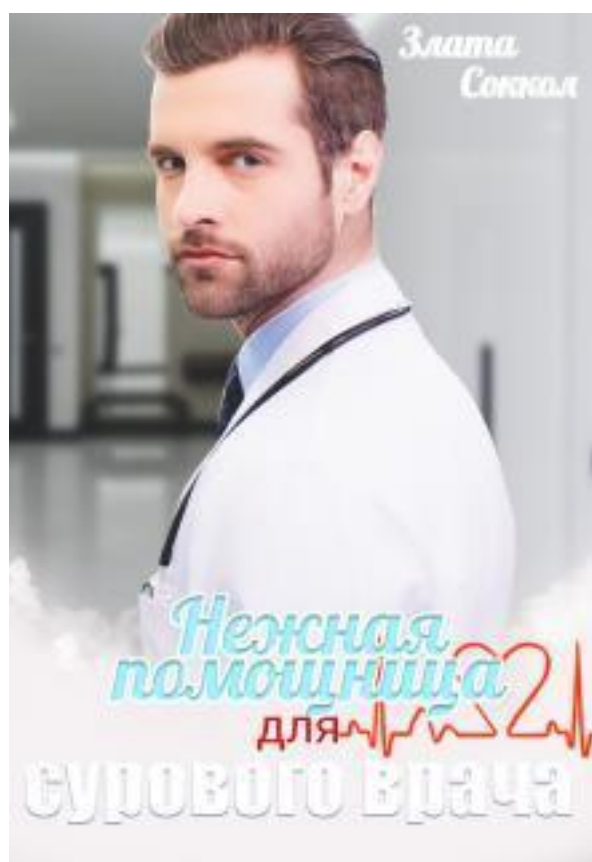

Злата Соккол

**Нежная помощница
для сурового врача**

«Литнет»

2021

Соккол З.

Нежная помощница для сурового врача / З. Соккол — «Литнет»,
2021

Самый суровый врач в мире – так называют Волкова в своей же клинике. А ещё по нему сходит с ума весь женский коллектив, мечтая выйти за него замуж или хотя бы... провести с ним ночь. Ведь он красив, умен, талантлив и мужественен. Впрочем, я пришла сюда работать совсем не из-за него, а попала как раз в его помощницы! Ну, что тут сказать? Он человек суровый, а я человек нежный, ещё и очень ранимый после того кошмара, в котором прожила последние два года! Сработаемся? Возможно! Но, почему-то мне кажется, что не только сработаемся...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1

Резные осенние листья – желтые, красные, иногда ещё зеленые – приятно шелестели над головой. Холодная просинь неба сводила с ума своей красотой, волновала, добавляя лишних эмоций к моему волнению. Я на мгновение остановилась и посмотрела на носки своих ботинок. Красивая шнуровка на коричневой коже. Ничего вычурного. А, может, надо было чёрные надеть? Я выдохнула, стараясь управиться со своей тревожностью, и направилась дальше.

Все дороги блестели после дождя, асфальт почернел, а гладкие лужи, словно зеркала, отражали синеву неба и белые облака. Ветер казался слишком свежим. Ох, какие же здесь красивые места! Я шла вдоль дороги параллельно древним стенам Донского монастыря, и была восхищена – дух захватывает!

Я всегда поражалась этому месту, да и вообще любила Шаболовку и близлежащие места – я жила здесь неподалеку, и считаю, что мне вдвойне повезло с местом работы.

Сегодня как раз мой первый день в клинике, куда я устроилась. Устроилась, между прочим, не просто так, а пройдя несколько непростых этапов. Клиника была частной, известной, состоявшейся, врачи там были значимые, талантливые, одним из них был, как его называли, «самый суровый врач в мире», Волков Дмитрий Романович. Хирург от Бога и просто невозможно хороший врач. С ним мне работать и предстояло.

Работа у меня должна была быть достаточно неординарной: первую половину дня я буду заниматься договорами и клиентами в административной части отделения, а во второй половине дня разгребаться в бумагах Волкова. Специалистов в административном отделе было несколько, но я была назначена на управляющую должность менеджера, и моей основной задачей являлся в основном контроль за идущей работой. А помощь... Помощь Волкову - это только для самых-самых, поэтому туда меня и отправили, в тыл к нему, к его бумагам, вернее. Просто у светилы времени на это не было, и это понятно, операции, пациенты и прочие действительно важные дела, а медсестра его, как сказала мне заведующая хирургическим отделением, принявшая меня на работу, дурочка на стажировке, которая между перекурами бегала пить кофе и безуданно пыталась соблазнить Волкова белыми халатами различной укороченности.

В общем, меня уже предупредили, что помимо того, что я иду работать в престижную клинику, я, к тому же, иду работать ещё и в знатный серпентарий, потому что интриганов и гадюк там хватало.

Я, конечно, волновалась из-за всего этого с одной стороны, с другой – душа моя жаждала каких-то стрессов и приключений. Вот уж не знаю почему. Должно быть, я хотела куда-то побыстрее и подальше убежать от прошлого, которое мучило меня в кошмарах, после того, что мне довелось пережить два года назад...

Но об этом не сейчас, нет. Я настроена на новую жизнь, я готова работать, я готова бороться за себя и свою душу.

Я перешла дорогу, обогнула пожарную часть, вышла к черному кованому забору и свернула на тропинку, выводящую к широкой дороге, уложенной плиткой.

Высокое белоснежное здание, отделанное стеклом и панелями, вызывало восхищение – как хорошо и качественно оно смотрелось. Я воодушевленно улыбнулась. Вот моё место работы.

Можно гордиться.

Я прошла через КПП, пропуск на меня уже был заказан, подошла к стеклянным стенам первого этажа, и перед тем, как нырнуть к раздвижным дверям, кинула взгляд на своё отражение.

На меня смотрела девушка – шатенка с густыми волосами, собранными в высокий хвост, с бледным личиком и грустными серо-голубыми глазами.

Вот она я, такая. Обычная девушка двадцати четырех лет, среднего роста, худенькая, в плотной осенней куртке золотистого цвета, джинсах и тех самых ботинках на шнуровке из коричневой кожи.

Я вздохнула, в очередной раз, набираясь храбрости, и крепко сжимая сумку, шагнула к дверям.

Клиника встретила меня стерильной чистотой, аккуратностью, эхом больших залов. Здесь всё напоминало мне космический корабль из будущего. Зацокали каблучки по плитке, и ко мне быстро подошла девушка в коротком синем платье, поверх которого был накинут белый халат. У девушки были длинные черные волосы, заплетенные в косу, густо накрашенные каре-зеленые глаза и пухлые не совсем естественные губы.

- Здравствуйте! – вежливо поздоровалась она. – Могу ли я вам помочь?

Я мельком огляделась – народа, кстати, в клинике было уже весьма прилично. Пациенты лились плавной очередью в гардеробную, раздеваясь, сжимая в руках сумки и бумажки, плачущих детей и смартфоны. Ну да, самое время для спешки в лабораторию для сдачи различных анализов.

- Доброе утро, - ответила я, улыбнувшись. – Я на работу. Сегодня первый день.

Вежливая улыбка сошла с пухлых губ девушки, и всякая напускная доброжелательность вдруг заменилась равнодушной холодностью с примесью интереса.

- Вы Соловьева? В хирургию к Волкову? – спросила она. Я кивнула, скользнув взглядом по её бейджику «Резина Алина, секретарь приёма». Девушка повернулась к своей коллеге, что наблюдала за нами из-за стойки регистрации и сказала, что подойдет позже. – Идёмте за мной.

Мы молча поднялись по мраморной лестнице, и возле лифтов свернули в узкий коридор, в конце которого я увидела дверь.

- Здесь гардеробная для персонала, - сказала Алина. – Держите, это ваш номер с ключом – за вами теперь будет закреплен ящик комода, обувная полка, полка на стеллаже и крючок для одежды. У нас такая система. Вы раздевайтесь, а я пока наберу Надежде Григорьевне. Вам же ещё не выдали форму?

- Нет, - ответила я, снимая куртку и вешая её на крючок, затем пристраиваясь на скамье и доставая из сумки новые белые кеды на сменку.

Гардеробная для персонала была большой, широкие окна давали много света, в углах комнаты с потолка за происходящим следили камеры. Здесь было просторно и удобно - большие зеркала, комоды с номерками и замочками, куда можно было положить свою сумку и мелочь, стеллажи с номерными полками. Мой достался номер тридцать шесть.

Мы вышли из гардеробной комнаты. В светлой рубашке, джинсах и белых кедах, держа с собой в кармане телефон, я, ощущая себя не слишком-то пока уютно, направилась за девушкой к лифтам. Вместе с нами в лифт зашли ещё несколько людей. Все они были не в медицинской одежде – возможно, просто пациенты. Лифт был со стеклянной стеной, мы поднимались вверх, и перед нами расстилалась прекрасная городская панорама: Шуховская башня, старинные здания, Донской монастырь, мои любимые улочки...

Сердце захватило от впечатлений.

Лифт звякнул, и мы с Алиной вышли на пятом этаже. Прошли мимо больших окон, свернули к стеклянным дверям и оказались в уютном круглом помещении со светло-лимонными стенами. Возле этих стен стояли удобные диванчики из зеленого кожзама, кулеры с холодной и горячей водой и кадки с высокими сочно-зелеными фикусами. Несколько плоских телевизоров крепились к стенам, развлекая посетителей веселой рекламой или сериалами.

Ближе к одному из огромных окон, их тут было два - по разным концам зала, у стены стоял невероятной красоты большой аквариум с самыми разными рыбками. Башенки, скульпп-

туры, затонувшие корабли, водоросли, тонны пузырей... Целый морской мир! Несколько ребятишек зависали возле этого аквариума, забыв о планшетах и мультиках. Правильный курс!

Стойка для административного персонала пустовала, и я знала почему – это было моё рабочее место. Я посмотрела вперед – коридор с дверями и диванчиками, который уходил дальше был непосредственной частью, где работали врачи, а эта гостевая комната – моя рабочая зона. По крайней мере, до трёх часов.

Здесь меня уже ждали. Степанова Надежда Григорьевна была заведующим хирургическим отделением Медицинского центра «Аристаж», где я теперь состояла на работе, и куда она меня сама, после прохождения теста и устного собеседования, взяла на административную должность.

Надежда Григорьевна была высокой женщиной лет сорока-сорока пяти. Её короткие тёмные волосы были идеально уложены в аккуратные волны, лицо излучало уверенность и некоторую властность, а улыбка была весьма доброжелательной, по крайней мере, так казалось со стороны.

- Варя! Здравствуй, - встретила меня Надежда Григорьевна. – Рада тебя видеть. Поздравляю с первым рабочим днём. Алиночка, сбегай в ординаторскую принеси комплект формы под третьим номером, пожалуйста.

Обратилась женщина к девушке, которая меня проводила сюда. Алина улыбнулась, хотя и не выглядела особо довольной.

- Ты будешь трудиться здесь, – сказала Надежда Григорьевна, провожая меня к стойке, за которой скрывался большой удобный стол с новеньким монитором и клавиатурой. – Твоё рабочее место.

Компьютер тоже выглядел новым. Все необходимые канцелярские элементы здесь присутствовали в полном масштабе. Было приятно видеть свое рабочее место таким полноценным, чистым и аккуратным.

Прямо за моим столом, за специальной стеклянной перегородкой, как в отдельной комнате, тянулась красиво оформленная картотека – белые ящики со стеклом, аккуратные цветные папки, справочники, договора и прочее. Там тоже стояли компьютерные столы, два одинаковых – за ними работали две девушки. Одна, с рыжими кудрями и большими светлыми глазами, только что включила компьютер и удалилась в зону картотечных ящиков. Вторая, с короткой стрижкой черных волос, что-то набирала на клавиатуре, сидя на своем месте.

- Это твои коллеги, - сказала Степанова. – Они не занимаются клиентами, только документами. Операции с договорами им не доступны. Ну, попозже разберемся... Вот и Алина.

Алина, недовольно поджав губы, протянула мне мешок с моим медицинским комплектом для работы – там была форма, халат, маски, перчатки, носки и ещё что-то. Мне, главным образом, полагался халат. Форма могла понадобиться на тот случай, если я вдруг понадоблюсь для помощи где-нибудь в операционной, но это вряд ли, а так...

Всё стандартно.

Небольшая ординаторская, рассчитанная на нас троих с девочками, находилась в конце картотеки, туда я и направилась для того, чтобы переодеться. Зайдя за стеклянные двери, я познакомилась с моими будущими коллегами – девчонки оказались приветливыми и совсем не пафосными, как, например, та же самая Алина. Переодевшись, я вернулась в зал к Надежде Григорьевне.

- Вот это другое дело! – улыбнулась Степанова. – Наш человек. Ну, давай, Варя, ориентирую тебя по работе в административной части, а там и Дмитрий Романович подойдет – с ним уже переговоришь. Ах, вот и он! Твой непосредственный начальник, - сказала она, поворачиваясь на секунду в сторону и мило улыбаясь. Надежда указала рукой на подошедшего к нам мужчину. - Волков Дмитрий Романович.

Я посмотрела на врача, на моего будущего начальника, на сурового врача, о котором уже здесь легенды слагали, на этого самого Волкова.

И всё, всё... моё сердце, кажется, остановилось навсегда.

Мои глаза, наверное, так округлились от ошеломления, а взгляд и вовсе, должно быть, выдал меня, наполнившись восхищением. Боже мой...

Глава 2

Это тот самый Волков? Да? Правда?

Он был красив. Красив и мужественен.

Дмитрий Романович был выше среднего роста, в хорошей форме. Темноволосый, с правильными чертами лица и невероятными синими глазами. Легкая щетина, идеально выглаженные брюки, начищенные до блеска ботинки...

Белый халат был одет поверх туго застегнутой до галстука голубой рубашки. В его глазах, и вообще, во всем его образе четко прослеживался стальной характер и непоколебимый нрав.

- Как тебя зовут? - спросил он, чуть поджав губы и глядя на меня с раздраженной прохладой.

Всякая витающая вокруг меня романтическая дымка мгновенно рассеялась.

- Э... - протянула я.

- Потрясающе, - саркастично процедил Волков, складывая руки на груди. - Надежда Григорьевна, мне кажется, вы несколько поторопились с выбором.

Меня будто бы дубиной ахнули по голове. Я отчетливо ощутила, как внутри разливается гадкое чувство обиды, приправленное стыдом. Даже щеки начали гореть.

- Ну, что вы, Дмитрий Романович, - посмеялась женщина – видимо, уже давно нарастившая шкуру против язвительности Волкова. - Девушка просто растерялась... Перед таким мужчиной, как вы.

Я почувствовала, как краски на моем лице добавилось, и поспешила спасти свою репутацию.

- Врачом, вы хотели сказать, Надежда Григорьевна, - едко добавила я, глядя на Волкова. – Перед таким врачом растерялась.

Глаза Волкова сощурились. Мы сцепились пытливыми взглядами, и оба чуть сжали губы в напряжении.

- Вас что-то смущает в том, какой из меня мужчина?

- Я не знаю, какой вы из себя мужчина, - ответила я. – Но знаю, что вы хороший врач.

- Имя-то вспомнила? – грубо бросил он, сходу переходя на «ты».

- Варвара Андреевна, - выдержала я. - Соловьева.

- Ах, Соловьева, - сказал он. – Ну, что ж, поздравляю, Соловьева. Здесь у меня без долгих выканий к молодняку, так что быстрее привыкай к приземленной атмосфере. Запоминай сразу. Теперь ты у меня в отделении человек номер один по документам, и у тебя будет две руки: правая рука - Люба Мальцева, вторая - Оксана Фадеева. Обе прекрасно знают свои обязанности, и навыков быстрой и качественной работы у них побольше, чем у некоторых. А сейчас давай-ка дуй ко мне в кабинет, будем разбираться с твоим опытом работы и направлением фронта, с которого ты начнёшь.

Волков развернулся и направился в коридор к врачевным кабинетам. Я стояла, злясь и ненавидя все на свете. Степанова проследила взглядом за уходящим Волковым и посмотрела на меня с некоторым сочувствием.

- Варечка, ты очень хорошая девочка, - сказала она, слабо улыбаясь. – С ним, конечно, тяжело... Но он превосходный врач, а с помощницами ему очень-очень не везет... Он видный мужчина, холостой, состоятельный – они все ему прохода не дают, даже замужние, чего греха таить! А вот у тебя всё получится. Я вижу, какая ты честная, добрая и нежная девочка – ему такая в помощницы нужна. Заинтересованная в работе. В помощи...

Я слушала Надежду Григорьевну, и ощущала острое сочувствие – к ней, к Волкову, ко всем этим девочкам и женщинам, сходящим по нему с ума, будто бы он был какой-то рок-звездой... А ещё я понимала, что она права – мне-то этот Волков по барабану, я вообще теперь

в жизни к мужикам, может быть, никогда не подойду, а вот работа мне нужна. Ещё как нужна. Тем более что такую работу, как мне предлагали, я была уверена, что смогу назвать любимой.

Я вздохнула.

- Спасибо, Надежда Григорьевна. – Я постаралась улыбнуться пободрее. - Попробуем разобраться.

Считая до десяти и обратно, и дыша с особенной тщательностью, я шла к кабинету Волкова. Нервы были на пределе. Я постучала.

- Заходи, Соловьева.

И откуда он узнал, что это я?

В кабинете помимо Волкова, находилась его медсестра: совсем молодая девушка вызывающей наружности. У неё было короткое каре, модное по нынешним меркам, волосы её были светлыми, губы ярко-красными. Густые, невероятной длины ресницы грозились при каждом взмахе создать волну некоторого дуновения. Интересно, справки не разлетались по кабинету? Или Волков её как вентилятор здесь держал?

Когда я вошла девушка занималась тем, что медленно закрывала твердые папки со стопкой бумаг и перевязывала ленточки на них в миленькие бантики. Мои брови поползли вверх от всей этой картины, девушка же, отвлекаясь на меня, сразу бросила свое занятие и посмотрела на меня с такой злобой, что я даже испугалась.

- Таня, - процедила она, не здороваясь.

Волков выдохнул с такой усталостью при этом, что я поняла – находиться с ней в одном кабинете для него было однозначно попытке выживания в клетке плечом к плечу с диким медведем.

- Варя, - сказала я. – Доброе утро.

- Знакомся, Соловьева, это моя стажерка Татьяна, - сказал Волков, поднимаясь с места.

- Очень приятно, - ровно сказала я.

- Взаимно, - рыкнула Таня и снова уткнулась в свои бантики на папках.

Я была в ужасе. Если я еще тут весь вечер буду после договоров не только с Волковым, но ещё и с этим надутым крокодилом работать, то тогда точно придется уволиться прямо сегодня.

- Подойди ко мне, - позвал меня Волков, и я подошла. Мы вместе уставились на длинные картотечные стойки с многочисленными документами. Я внутренне ужаснулась, какой бардак у него творился, но сказать ничего не сказала.

- Это зона твоей ответственности у меня в кабинете, - сказал Волков. – Сейчас здесь некоторый беспорядок... В общем-то, бардак. Так что ты, Соловьева, наведешь здесь порядок - это твое первое задание, а после начнешь по всем правилам вести картотеку, договора и мои документы. Кроме оформления договоров в твои обязанности, возможно, войдут оформление других документов, с которыми не успевает справляться Таня. Раз ты человек на подхвате, и ответственный за порядок в административной части нашего отделения, каждый вечер будешь спрашивать с девочек во внешней картотеке отчеты о работе и порядке, а здесь будешь давать отчет мне сама. Уяснила?

Я посмотрела на Таню, растерянно сжавшую свежесплетенный бантик, а та посмотрела на меня, и в её глазах снова зажегся огонь ненависти.

- Да, - просто ответила я.

«С ума сойти, сколько работы...» - подумала я. Хотя на самом деле, мне предстояло большую часть работы контролировать за другими, а самой выполнять лишь договорную и оформительную по некоторым документам. Это, конечно, входило в разумные рамки моих возможностей. По крайней мере, за такую зарплату и плюшки, которые мне тут обещали – это более чем хорошая работа. А еще и от дома-то как близко.

Но коллектив... Ух. Я посмотрела на Волкова, одновременно с тем, как он посмотрел на меня. Сердце моё ёкнуло, его же взгляд подёрнулся некоторой дымкой неприятной прохлады.

- Жду тебя в три часа в моём кабинете, - сказал Волков. – Начнешь разбирать картотеку.

Глава 3

Работа с девочками, Оксаной и Любой, оказалась очень приятной. Впервые за всё утро я поняла, что есть в этой клинике хорошие люди, с которыми мне придется работать бок о бок. Девочки не только хорошо работали, как обещал Волков, но и вполне помогали освоиться мне. Так как я стояла по должности над ними, мне даже было как-то немного неудобно узнавать у них все тонкости, но без этого невозможно было правильно войти в рабочий ритм.

Сложнее оказалось с пациентами – в какой-то момент они начали приходить все чаще и чаще! Я только и успевала подготавливать договора и перенаправлять их в договорной отдел. У меня, конечно, был большой опыт работы – ещё с университета помимо лечебного дела я занималась медицинскими документами и все практики проходила, работая обязательно с наличием обязанностей в медицинском документообороте, но в первый день на новом месте, безусловно, было тяжело.

А договора... После университета я год работала в большом новороченном медицинском центре в Солнечногорске, там как раз занималась договорами...

К двенадцати на диванах в приемной и возле кабинетов врачей скопилось довольно много народа. А потом вдруг раз – и через час, как будто бы все исчезли. К двум часам, когда наш с девочками обед как раз вступил в силу, мы поспешили смениться с мобильными администраторами и пойти в местную кофейню на первом этаже клиники.

Кофейня была шикарной – светлой, просторной, чистой. Здесь было все дорого, но персоналу шли неплохие скидки, так что пообедать удалось весьма сытно и вкусно. За чаем мы увлеклись разговорами.

- Ой, ты на Таню эту, Варь, внимания не обращай, - сказала мне Оксана – та, что с короткой стрижкой. - Она тут такие танцы выделывает. Слухи про Волкова распускает, что, мол, они любовники и так далее... Он терпит её только из-за того, что она племянница Котовского...

- А кто такой Котовский?

Оксана и Любаша вылупились на меня, как будто бы я сказала что-то страшное.

- Котовский? – спросила Оксана тоненьким голосом. Её оливковые глаза засверкали игривыми звездочками, они переглянулись с Любашей, и обе сразу криво усмехнулись. – Это такой мужик... Ну, врач. Хирург. В общем, мужик он, конечно, просто огонь. Типа Волкова – красивый, талантливый, нереально крутой. Они, кстати, с ним хорошие друзья. Только если к Волкову фиг подступишься, то этот человек – улыбка. Холеный весь, доброжелательный, приветливый...

- Любвеобильный, - кинув взгляд на Оксану, добавила Любаша.

- О, да, - Оксана поиграла бровями, глядя на меня. – Бабник он тот ещё. Тут из наших любительниц хвосты покрутить уже, по-моему, все с ним...хм...

- Под одним одеялом лежали, - захихикала Любаша, и её кудряшки весело запрыгали. – Переспали, в общем.

- Вот-вот! – показав красивые белые зубы в ослепительной улыбке, подтвердила Оксанка. Она внимательно посмотрела на меня и крепче сжала чашку с зеленым чаем в руках. – Варька, ты вообще с ним поосторожнее! Девки у него в постели крутятся типа Алины-секретарши снизу, но охаживает он тех, кто так просто к нему в постель не прыгнет – для него это забава такая. Он тот ещё сердцеед. Два раза в разводе, кстати.

- Да, до спокойных и воспитанных он доделистый... - подтвердила Любаша. – Он хороших девочек, так скажем, портить любит...

- А Волков? – вдруг спросила я, слыша себя как будто бы со стороны.

Никогда бы не решилась, а тут!

- Что Волков? – одновременно спросили девочки.

Я опустила взгляд.

- Ну? Он не женат, все вокруг него вертятся, а он злой такой. И бабы его бесят. – Я пожала плечами. – Может, он гей вообще?

Любаша прыснула, Оксанка захохотала.

- Ой, Варька, - отсмеявшись, сказала она. – Классная ты. Не гей он, солнышко. Просто тип такой, говнистый. Он женат же был.

- Был? Женат? – у меня лицо так вытянулось, что девочки разом закивали.

- Да, был. Они в разводе год уже, - сказала Люба.

- Ты бы её видела, - добавила Оксана и закатила глаза. – Такая цаца. Красотка, длинноногая, вся в шубах-брюлях, но стервааа.... Она тут такие скандалы приходила, закатывала... Жуть!

- Да, нам всем так Дмитрия Романовича жалко было... И это с его суровым характером-то!

- А дети? – спросила я, рассматривая трещинки на столешнице.

- Нет, детей у них нет. Они в браке года четыре прожили, - сказала Оксанка, коротко пожав плечами. - Уж не знаю, почему не сложилось. Но Волков молодой ещё, чего ему. Тридцать шесть лет – вся жизнь только начинается...

- Ага, - скептически покивала Люба. – Только что-то он не торопится никуда.

- Может, после стервы своей и не торопится, - тихо добавила я и посмотрела на коллег.

– Нам пора, девчонки, а мне вообще к Волкову сейчас...

- Да, точно! – спохватилась Оксанка. – Идём скорее...

Мы поднялись на этаж, и я посмотрела на часы. Уже без пяти три. Что ж, да-да, пора идти к Волкову. Внутри затрепетало, волнение скользкой змеей проползло где-то в животе и сжало внутренности.

Я подошла к кабинету и постучала.

- Да.

Повернув ручку, я заглянула внутрь.

- Можно?

Волков кинул на меня быстрый взгляд, затем посмотрел на настенные часы.

- Уже три? Надо же. Проходи, Соловьева.

Я внутри вся сжалась. Не знаю, я уже вовсю сомневалась, что сработаюсь с этим грубияном, слишком уж израненной неженкой я была, если честно. А тут надо быть непрошибаемой, как Надежда Григорьевна.

Я прошла и села за стол возле картотеки. Волков не обращал на меня ровно никакого внимания, продолжая глядеть в монитор и щелкать мышкой.

Меня это бесило, но я молчала. Не хотелосьшний раз саму себя беречь. Минуты две я выждала, просто постукивая кедами по полу и глядя по сторонам. Монитор, как монитор. Стол чистый, убраный. Стопка бумаг, кабинка для медицинских карт, канцелярские принадлежности.

- Так что... - решила сделать попытку я, но меня тут же обломали.

- Сейчас закончу и поговорим.

Закончил он минут через пять.

- Так, для начала принеси-ка мне кофе, деточка, - сказал он хмуро, вглядываясь в какой-то документ.

Я вылупилась на Волкова, как будто бы у него вдруг выросла вторая голова.

- Вы.. что...вообще... себе позволяете?! Я вам тут не секретарша! – с возмущенным придыханием и едва ли не начиная ронять слезы, сказала я. – В мои обязанности не входит кофе вам приносить!

Волков с ледяным спокойствием отложил бумагу, и так же хмуро пронаблюдал за мной, покрасневшейся, дышащей тяжело и возмущенно, лишь затем добавил:

- Ты в больнице, Соловьева. У меня через десять минут операция, которая продлится не меньше трех часов. Это просто моя просьба. Вот и всё.

Я покраснела ещё гуще. Я всё-таки всё слишком близко принимаю к сердцу. Мда, кажется, ему действительно нужна помощница поконднее, чем я.

- Прошу прощения, - пробормотала я, вставая из-за стола. – Я...Конечно...

- У раковины в углу полка, там кружка и остальное, - сказал Волков. – Воду лучше в кулере бери.

Я рассеянно поднялась со своего кресла и, теряясь в мыслях, направилась к бытовому уголку в кабинете. Он был совсем небольшой, но очень аккуратный, находился за ширмой. Так его и не заметишь сразу. Чистая раковина, маленький икейный буфет, островок с небольшим количеством утвари.

Чайник здесь был, но он был убран вниз и отключен, поэтому за водой – ну да, только к кулеру.

- Сколько ложек кофе? – спросила я. – Сахар нужен?

- Две ложки, - ответил Волков. - И сахара тоже две.

Кружка у Волкова была одна – видимо, самая любимая. Красивая, с травяными узорами и с волком, держащим во рту цветок. Волк для Волкова. Мило. Но чашка, правда, красивая.

Я вышла из кабинета и направилась к кулеру. Любаша махнула мне и качнула головой, мол, ну как. Я ей показала чашку Волкова, и та закатила глаза, улыбаясь.

Заварив кофе и по дороге растерянно размешивая сахар, я возвращалась в кабинет Дмитрия Романовича. Волков всё так же сидел за своим столом, но уже убирал бумаги в папку, собираясь идти готовиться к операции.

Нет, сегодня не мой день! Я это поняла в следующую секунду после того, как прошла половину пути к столу Дмитрия Романовича с его же чашкой кофе. Вот оно! По закону всех неудачных первых дней на работах, я, конечно же, споткнулась и полетела. Я уткнулась рукой в стол, удерживая равновесие, чашка же в моей руке подпрыгнула в воздух, и всё её содержимое красивыми художественными брызгами полетело на стол Волкова и на все его бумаги. Слава Богу, не на него самого. Хотя белоснежному халату тоже досталось пару кофейных узоров.

Волков, сидя на стуле, качнулся к стене и в ужасе уставился на то, что произошло. Я, зависнув перед его столом, на одной ноге и с вытянутой рукой, держащей чашку, взирала на то, что произошло с ещё большим ужасом, чем он.

Но если Волков через секунду взял себя в руки и посмотрел на меня, не скрывая колоссального гнева в глазах, то я, пропищав извинения, лишь попятилась к своему столу, всё быстрее сжимаясь в комочек и покрываясь краской от корней волос до самых ключиц.

- Это случайность... - только и смогла прошептать я.

- Ума не приложу, как можно быть такой бестолочью, - рявкнул Волков, вскакивая со стула. Он взмахом руки, указал на стол. – Чёрт подери, у меня операция через две минуты, и что мне с этим теперь делать!

- Я всё уберу, - пообещала я.

- Ничего ты не уберешь, тут половину документов переделывать надо, - возмутился Волков. – Ты ещё более бестолковая, чем все остальные, даже, чем дурында Таня! Тьфу ты! Отправишься к Котовскому работать, как только он из отпуска выйдет, раз ты так Степановой понравилась. Ему всё равно помощница нужна, а мне здесь такие бестолочи не нужны. Так ей и скажу сейчас.

- В конце концов, я вам не официантка! – в отчаянии крикнула я, ощущая, как сердце рвется на части. – И не для того меня сюда работать пригласили!

Я заревела. Волков равнодушно приподнял бровь, глядя на меня. Закатив глаза в раздражении, он лишь сказал:

- Если ты даже такой мелочи сделать не можешь, то чего от тебя ждать в большем.

Он снял халат и кинул его в джутовую корзину за фикусом, снял с крючка запасной и переоделся. Я продолжала тихонько реветь, сидя на своем месте, и думая о том, за что мне всё это после всего, что я пережила.

- Позовёшь уборщицу, заменишь все документы. Через два часа зайду и проверю. И хватит реветь.

Волков вышел в коридор, я подхватила со стола блокнот и кинула в дверь. Тот с небывалой точностью пролетел туда, куда был направлен и с глухим звуком влетел в дверное полотно, после чего благополучно шлепнулся на пол.

Честно говоря, мне хотелось прямо сейчас взять и уйти. Просто сказать, что увольняюсь, закрыть за собой дверь клиники, оказаться на осенней улице и пойти домой. Но потом мне стало стыдно – как же я оставлю в таком виде стол и документы Волкова? У него и так операции сплошняком, а я ему еще все испортила с этими документами, на которые у него и так времени не было... Потому и помощника всё ему и искали. А второе... Я вдруг представила, как через месяц буду проходить мимо этой клиники, смотреть на неё и вспоминать этот день - буду ведь жалеть, не иначе...

Что ж. Ладно. Пойду к девочкам в картотеку, попрошу помощи. Может, смогу как-то поправить то, что случилось. Но вот всё-таки насчет увольнения... Наверное, сделаю всё, и решусь уйти. Вряд ли я смогу работать с Волковым.

За два часа мы с Оксанкой и Любой все привели в порядок. Документы девчонки побыстрому заменили, я сбегала, поставила печати, собрала подписи. Волков зашел через два часа, он был в специальном халате и шапке, которые собирался сменить после короткого перерыва – это была форма для работы в операционной. Быстро все проверив, он остался весьма доволен тем, что я все успела поправить. Дав мне пару заданий по картотеке и договорам, он снова ушел. Через час пришел, и получил их выполненными в полном объеме, чем снова остался весьма доволен.

До самого вечера Дмитрий Романович появляться больше не собирался. Он ушел, а я вдруг подумала о том, куда это интересно со своего рабочего места пропала Таня.

Хорошо, конечно, что она мне мозги не выносит, но всё это странно. Я продолжила работать, занимаясь документами. И как раз, когда мой рабочий день начал подходить к концу в комнату вдруг ворвалась эта самая Таня.

Глава 4

- Значит так,мышь ты серая, если ты удумала к Волкову подкатывать, то я тебе быстро кое-что пообламаю, поняла? – язвительно пропищала Таня тонким голоском, захлопывая за собой дверь и тыча в меня пальцем. – Он мой! У нас с ним любовь! Мы спим с ним, ясно?

- Да пожалуйста, - ровно ответила я, складывая бумаги в папку. – А при чем тут я? Я сюда на работу пришла, и помимо работы меня здесь ничего не интересует.

Таня взмахнула наманикюренным пальчиком.

- Вот и отлично! Даже не думай! А то знаю я вас...Мышей!

Я вдруг посмотрела на свои руки, и поняла, что внутри меня снова начинает сжиматься то старое, но ещё не зажившее страдание – эта липкая боль после всего пережитого. Это всё сейчас мне напомнило то, что было тогда. Я почувствовала, как ком из слез подкатывает к горлу. Нет. Я не смогу здесь работать. Не получится ничего. Ни с этой Таней, ни с Волковым, нет-нет. Ещё слишком мало времени прошло, а раны ещё не зажили.

- Я должна уйти, - прошептала я, роняя слёзы прямо на папку.

- Ну и уходи, - удивленно пожала плечами Таня, глядя на меня. – Кто держит?

Дверь открылась, и в кабинет вошел Волков.

- Ой-ой, Дмитрий Романович, - побледнев вдруг, залепетала Таня. – Ой, я вас так ждала – у меня очень важный вопрос. Вы уже освободились после операции?

- Помолчи-ка, - брякнул Волков, и Таня сразу затихла. Дмитрий Романович посмотрел на меня. – Соловьева, ты закончила?

Я уже совсем не сдерживала слёз. Хватит, и так всё понятно – не смогу я здесь работать. Пусть зарплата высокая, пусть престиж, пусть хоть что... Но я все ещё слишком разбита после того, что со мной произошло, чтобы терпеть всю эту гадость, всё это давление в этом лощёном серпентарии.

Ничего не говоря, я быстро подхватила папки, с которыми как раз закончила и по которым с такой тщательностью разложила все бумаги, затем с грохотом водрузила их на стол к Волкову.

Забрав свой мобильный телефон и пакетик с пропусками и какими-то брошюрами для новых работников, который я сразу собиралась выкинуть в урну, как только выйду из клиники, я развернулась и направилась к выходу из кабинета.

Я прошла мимо ошеломленной Тани, затем мимо Волкова. В горле так скреблось, что я даже не удосужилась попрощаться с ним.

Выйдя из кабинета, я со всей злости хлопнула дверью у всех на глазах. На меня вылупились все медработники, которые ещё оставались на этаже, заканчивая свои дела, но мне было плевать. Я уже решила, что уволюсь. Так что гори оно огнём. Хорошо, что хоть кружку свою не успела принести!

Я уже шла по направлению к лифтам, когда услышала, как где-то сзади хлопнула дверь, и кто-то куда-то побежал. Через несколько секунд совершенно внезапно меня крепко схватили за руку и развернули к себе. Я так растерялась, что даже не нашла в себе сил, чтобы сопротивляться.

А когда увидела, кто это был, то и вовсе остолбенела.

- Так, Соловьева, - несколько сбив дыхание, обратился ко мне Волков. – Ты куда собралась?

Он все ещё держал меня за руку – и мне казалось, что этот наш контакт какой-то словно бы электрический. Меня вдруг всколыхнуло. Это электричество словно стало разрядом, поступившим ко взрыву бомбы.

- Что значит куда собралась? – спросила я, начиная реветь. – Я собралась, блин, домой. Я не в армии тут и не в тюрьме! У меня рабочий день закончился.

Что-то дрогнуло в красивом лице Волкова. Он едва приподнял бровь, пронаблюдав за мной, но сказать ничего не сказал.

- Что-то мне подсказывает, что ты этот свой рабочий день хочешь сделать последним здесь.

- Вот точно, – буркнула я. – Угадали, Дмитрий Романович. Счастливо оставаться.

Я вытянула руку из его хватки и, развернувшись, снова направилась к лифтам. Далеко я, конечно же, не ушла. Волков снова схватил меня за руку.

- Вы прекратите меня всё время хватать или нет? – спросила я уже спокойнее. – Что вам нужно?

- Идём-ка в мой кабинет, – сказал он, направляясь обратно и ведя меня за собой. На нас так таращились, что я уже почувствовала, как лицо начинает заливать краска. – И спокойно поговорим.

- Таню вашу полоумную сначала выгоните оттуда, – сказала я в наглую. – Я не буду при ней разговаривать.

- Я уже выгнал её. Погнал заявление на увольнение писать – достала она со своей любовной клеветой. Пусть Котовский сколько хочет обижается, я его бл... простите, баб, племянниц и кого ещё не буду тут одаривать работой и вниманием.

Волков открыл дверь своего кабинета и указал мне на него.

- Прошу.

Я, тяжело вздохнув, прошла в помещение. Волков зашел следом за мной и закрыл дверь. Я прошла в середину кабинета и остановилась напротив картотечной этажерки.

- Ну и о чём вы хотите поговорить? – спросила я, складывая руки на груди.

Волков чуть склонил голову. Чёртовски красивый мужик, сил моих нет. Как вообще можно быть таким красивым? И белый халат ему к лицу, как никому.

- От меня уже три девицы сбежали, – сказал он вдруг, чуть сощуриив синие глаза. – Мне Степанова ещё одну не простит. Тем более что ты ей понравилась так, как другие и рядом не стояли.

Мне вдруг стало обидно. Это ему за мой побег влетит, и я, видишь ли, из-за этого должна своей психикой жертвовать и работать с ним! Ну, нет. Кем он вообще себя возомнил? Найдут ему другую сюда. Цацу. Он к ним привык, судя по всему.

- Степанова переживет, – ответила я. – Объясню ей всё. Она меня прекрасно поймет. А кандидаток на эту должность найдется с лихвой.

Волков вдруг растерялся. Отвел глаза на мгновение, потом снова засверлил меня хмурым взглядом.

- Я, между прочим, других девушек не уговаривал остаться. И даже не собирался.

Я вскинула брови. Ох, ты, ё-моё! Какие мы важные! Это он сейчас что, косточку своего внимания мне кинул? Тьфу ты! Я не клюю на такие снасти!

- Ну и теперь не надо. Подумаете на досуге о своем отношении к коллегам, которых вам нанимают в помощники, может быть, что-то полезное придумаете – легче сработаться со следующим помощником получится, – сказала я, не собираясь поддаваться на все эти уловки – уже решила уйти, значит всё. – Возможно, на пятый раз вам повезет. Желаю удачи. И всего хорошего.

Моя третья попытка уйти завершилась ничем. Я направилась к выходу из кабинета, уже потянувшись к ручке двери, но Волков снова схватил меня за руку, развернул к себе и уже теперь схватил за предплечья. Мы вдруг с ним оказались так близко друг к другу, что я напрочь потелась. Я вдруг почувствовала, как моё дыхание перехватывает. Господи... Кажется, мои щеки

горят, и сердце замирает... Да что со мной? Мне что, пятнадцать лет? Незнакомый мужик, а я как дурочка малолетняя...

Красивое лицо Волкова с густыми бровями и синими, невероятно пронзительными глазами было прямо передо мной. Какие же у него сильные руки, а этот одеколон - запах морской волны или что-то такое, нереальное... С ума сойти можно...

- Варя, - тихо сказал он, впервые обращаясь ко мне по имени. - Прошу тебя, не уходи. Твоя работа выполнена по всем параметрам лучше, чем вся та, что выполнялась теми, кто у меня тут работал раньше – это раз, а второе – мне, правда, понравилось с тобой работать.

«А, может быть, и клюю...» - подумала я, сдаваясь.

Я вздохнула, отвела взгляд и едва заметно улыбнулась.

- До завтра, Дмитрий Романович, - сказала я, посмотрев на него. – Мне тоже понравилось с вами работать. И я рада, что мы ...всё-таки нашли общий язык.

Волков усмехнулся, развернулся и отправился к своему столу, я же к выходу из кабинета. Выйдя на улицу, я торжествующе улыбнулась – ну, надо же, кажется, я пробила на эмоции самого сурового врача в мире. Интересно, как мне это удалось?

Глава 5

Две недели пролетели незаметно. Я и подумать не могла, что мне так понравится работать в клинике с Волковым. Несмотря на тот самый эпизод в первый мой рабочий день, Волков оставался всё таким же суровым. Я старалась лишний раз с ним не пререкаться, выполнять свою работу на все сто, и вообще поменьше мельтешить у него перед глазами. Волкова это вполне устраивало, меня тоже. Но было нечто, что работать мне, конечно, мешало – не сильно, но беспокоило, как соринка в глазу. Вроде бы, и не всегда мешает, а иногда прямо-таки сил моих не было, чтобы от отвлечься от неё.

Я влюбилась в Волкова почти сразу. Наверное, день на третий или четвертый, вышла из клиники и поняла, что не очень-то мне и хочется уходить с работы. Не из-за самой работы. А из-за него, из-за Волкова. Просто...хотелось быть рядом с ним, видеть его, перебрасываться с ним фразами. Поняла, что хочется, чтобы побыстрее начался рабочий день... Вторая половина рабочего дня. Что мне просто невозможно хочется увидеть его. Хочется, очень изредка так бывало, ловить его улыбку. Украдкой наблюдать за ним. Я, конечно, увидев его впервые предполагала, что втрескаюсь по полной программе, но чтобы так быстро и так сильно... И это после всего, что я пережила в отношениях раньше!

И ведь правда... Волков снился мне каждую ночь. Сердце моё трепетало при каждом его обращении ко мне, при каждом его случайном прикосновении... Я привыкла к этому состоянию не сразу. Но привыкла, конечно, что уж. Мы же на работе. Я его помощница. Мы с ним вообще стали классным тандемом. Нас так и прозвали – суровый врач и нежная помощница.

Более того, это был мой бальзам... Эта клиника, работа, главное – Волков. Сердце моё, и так болезненно израненное прошлым, находило утешение в работе, а особенно в моей влюбленности в него, в Дмитрия Романовича. Когда я была рядом с ним, я отчего-то чувствовала себя за каменной стеной. И ещё у меня в душе поселилось твердое ощущение, что он, мой Волков, только он сможет защитить меня несмотря ни на что. Что это такое было? Мне самой было сложно понять.

Я, конечно, всё поняла потом. Много позже. Но сейчас была в недоумении. Сейчас... Сейчас я всё ещё продолжала болеть прошлым, возвращающимся ко мне в ночных кошмарах. Как сегодня, например.

Мне снился его смех. Мне снились его глаза. Мы были на кухне. Мы всегда там были в этом кошмаре.

- Я тебя просто порезу, - улыбался он так сладко, даже по-доброму. Я так хорошо знала эту его улыбку, я её так любила всё это время... И что теперь? – Просто порезу, немножко, тебе даже понравится...

- Дэн, перестань, пожалуйста, - тихо шептала я, лежа на таком холодном полу – этот пол, он был ледяным, он всегда был таким ледяным. Даже сквозь сон моя память мне возвращала этот холод, который я не забуду никогда.

Кровь теплая, липкая, и этот холодный пол принимает её струйки с какой-то алчностью. Струйки растекаются, сплетаются, одна с другой – паутина. Я в паутине. Попала к пауку, и мне не выбраться.

- Я так люблю тебя, Варечка... Варя, моя любимая... - Боль была обжигающей, лезвие ножа скользило от моего запястья к локтю, потом переместилось к ребру.

- Денис, пожалуйста, - начиная плакать навзрыд, умоляла я. – Прошу тебя, перестань....

- Не ори – я уже сказал. - Его серые глаза, казалось, потемнели, стали какими-то черными, точь-в-точь, как его волосы, которые некогда были каштановыми. Он весь был словно грифельный. – Ты же знаешь, меня это раздражает.

Я зажмурилась. Боль меня драла на части, разрывала. Агония, агония, всё плыло перед глазами... Запах алкоголя – меня тошнило от него, запах алкоголя меня душил. Потолок старой шестиметровой кухни расплывался перед глазами.... Удушающая боль стала невыносимой, и всё вскоре пропало.

Я открыла глаза, в слезах вжимаясь в подушку. Меня трясло, холодный пот, озноб – все смешалось, моё тело будто бы не принадлежало себе. Волны ужаса все ещё окутывали моё сознание, перетекали из одной в другую.

Я не сразу нашла в себе силы, чтобы сесть на кровати и включить ночник. Я посмотрела в сторону окна – осенние ветки покачивались на ветру, где-то слышался шум визгливых машин, небо было серым, предрассветным.

С большой неохотой, я выбралась из-под теплого одеяла и, едва покачиваясь, направилась на кухню. Таблетку, стакан воды... Стакан ледяной воды. Я сунула руку под футболку и провела пальцем по шраму между ребрами – кривому, длинному. Затем, посмотрела на запястье – там до локтя тянулась тонкая линия. Третий был на шее – крестообразный, кривой.

Я закрыла глаза, и солёные слёзы потекли по щекам. Ещё стакан воды. Я осмотрелась вокруг, стараясь отвлечься. Эта квартира на втором этаже кирпичной пятиэтажки когда-то принадлежала моему дедушке. Дедушка давно умер, и родители долгое время сдавали квартиру. Мы с ними жили в соседнем доме, в двушке. Когда я поступила в мед, родители продали свою квартиру, купили участок и теперь вполне счастливо жили в своём домике в деревне недалеко от подворья Покровского монастыря в Подмосковье. Я любила их дом, часто приезжала к ним в гости. Мне родители, предварительно сделав ремонт, отдали дедушкину квартиру. В ней я, правда, поселилась всего два года назад... После окончания меда я уехала на оплачиваемую практику в большой свежестроенный медицинский центр в Солнечногорск, и там познакомилась с... ним, с Денисом. Он был душой компании, любимец всех сотрудников центра. Девичонки его обожали, и были уверены, что после его последнего недавнего расставания со своей зазнобой, по которой он так сильно страдал, Денис точно не станет вдруг заводить отношения.

Но, оказалось, что нет. Мы влюбились друг в друга, спустя непродолжительное время – сначала работали в паре в хирургии, всё улыбались, шутили друг с другом, а потом вдруг завертелось уже вне работы... Денис... Он, казался, каким-то волшебным. Густые каштановые волосы, темно-серые глаза, веселый и пылкий нрав... Он был очень милым и вежливым со мной с самого нашего знакомства. Мы стали жить вместе практически сразу, и мне тогда казалось, что это была настоящая любовь. Мы оба получали хорошие деньги в центре. Жили в однушке, которую снимали, и были по-настоящему счастливы. Единственное что – он никогда не говорил о бывшей девушке. Все знали, что у него была большая любовь, но что произошло, никто не знал, а Дэн наотрез отказывался рассказывать – уехала, исчезла из его жизни и всё. Нет такой больше. Мы тогда закрыли эту тему раз и навсегда - мало ли, человеку больно.

Но тогда я даже представить себе не могла, какой обманчивой может быть наружность. Наружность всего – человека, быта, работы, интересов, совместной жизни, чувств... Всего. От и до. Что «как в фильмах» бывает по-настоящему.

Я вздрогнула, вспомнив его потемневший взгляд в тот вечер и странную полуулыбку... Как он вошел в квартиру и запретил включать свет. Как он сказал, что меня ждет сюрприз... Я помню, как...

Нет. Хватит. Я поёжилась, закрывая лицо руками. Я не могу сейчас думать об этом. Я не хочу вспоминать.

Я должна буду как-то прожить это, отпустить. Пусть у меня сейчас нет ни единой толики ресурса на это, ни единой толики сил, но я найду их... Найду обязательно.

Понимая, что больше не усну, я заварила себе чашку кофе. Я любила дедушкину квартиру – помню, как мы гуляли с ним вместе по нашим дворам здесь, вокруг которых теперь росли элитные высотки жилых комплексов. Дедушка читал мне сказки, когда мы сидели на

этой кухне... И хорошо, что родители сделали нейтральный ремонт – все светлое, теплое, приятное. Бук, беленый дуб, кофейные оттенки, белая мебель.

Взяв свою чашку, я завернулась в плед и уселась на подоконник, дабы понаблюдать за тем, как наступает утро. Хорошо, что сегодня уже четверг, а завтра вечером можно будет и с девочками-подружками пересечься, сходить куда-нибудь.

Ведь мне обязательно надо как-то отвлекаться...

Чувствовала я себя, конечно, разбито. Даже, несмотря на то, что у меня была уйма времени, на работу я собиралась медленно и весьма неохотно. Меня то и дело отвлекали какие-то отстраненные мысли, потом я обязательно что-нибудь забывала, мне раз от раза начинало хотеться спать.... Я шла на работу, чувствуя легкую тошноту и недомогание. Надо было бы выпить ещё кофе.

- Добрый день, - сказала я, заходя в кабинет Волкова в три часа. Мы только впервые за день пересеклись с ним.

Тот бросил на меня взгляд, здороваясь, но потом вдруг посмотрел снова, уже более хмуро, не скрывая беспокойного любопытства.

- Соловьева, ты не заболела? Что-то вид у тебя какой-то бледный.

Я покачала головой.

- Нет-нет, Дмитрий Романович, всё в порядке. Я...просто что-то не выспалась сегодня, - вымученно улыбнулась я, проходя к своему столу.

Усевшись, я начала раскладывать папки, которыми собиралась сегодня заняться, и думала, признаться, что Волков давно продолжает заниматься своей работой, поэтому очень удивилась, когда вдруг подняв взгляд, обнаружила, что он все ещё наблюдает за мной, да ещё и с некоторым напряжением.

- Далеко живешь отсюда? - вдруг спросил он.

- Нет, - ответила я растеряннo - и правда, чувствовала что-то себя не очень. Это всё чертовы кошмары. - Нет... Пешком дойти можно, если честно.

- Ого, - удивился Волков. – Я тоже здесь рядом живу.

- Я на Третьем Верхнем Михайловском, - сказала я.

Волков усмехнулся. Какая же у него красивая усмешка!

- Надо же, я на Лестева.

Я удивленно улыбнулась, но с ответом не нашлась. Я вообще всегда была с ним какой-то немного растерянной в разговорах, не касающихся работы.

Мы помолчали какое-то время. Я полистала несколько справочников, затем, вздыхая, потерла лоб – теперь головокружение какое-то напало, ну что за дела...

- Варя, - строго сказал Волков, поднимаясь с места. – Эй...

Он подошел ко мне, и сел напротив меня на корточки. Никогда не видела у него такого взволнованного взгляда – он всегда был таким суровым, строгим, собранным, но сейчас...

- Я...просто давление, наверное, - сказала я, отводя взгляд. – У меня бывает. На погоду.

- Посмотри-ка на меня, - сказал Волков. - Дай руку...

Волков пощупал мое запястье, отмечая пульс, затем подхватил меня за подбородок, осматривая лицо, после вглядываясь в глаза – фиксирует зрачки. Он был невозможно близко. Его красивое лицо, изящные губы, щетина, синие, как море, глаза... Я почувствовала, как начинаю краснеть. Мне казалось, что слышу запах ночного ветра, лимона, запах мяты...

Я даже не заметила, как закрыла глаза.

- Всё хорошо? – тихо спросил Волков. Я открыла глаза, его лицо все ещё было передо мной. – Варя?

Глава 6

- Д..да, - я опустила лицо, и аккуратно вытянула руку из ладони Дмитрия Романовича.
- Мне просто надо кофе выпить.

Волков распрямился, последил за мной буквально секунду и коротко повел плечом.

- Так иди, - возвращая себе прошлую строгость, сказал он.

И я пошла. Взяла свою чашку и пошла. Тупость какая-то. И что со мной? Подумаешь, кошмар приснился... Первый раз, что ли? Я налила себе горячую воду в чашку, зашипел растворимый суррогат, я помешала сахар и села на пустой диванчик в приемной. Через стеклянные стены картотеки, я видела, что девчонок на рабочих местах не было – они сегодня где-то внизу, в архивах помогали. Ох, завтра работы будет...

Я отпила глоточек кофе и посмотрела в окно – золотились резные листья на черных ветках, блестели стекла малоэтажных домов, московских, старых. Любимых мной до обожания. Интересно, Волков так же любит здесь всё, как и я? Возможно, мы когда-нибудь поговорим с ним об этом. Выпив кофе, я немного прошлась из стороны в сторону по коридору, и, почувствовав себя куда лучше, вернулась в кабинет.

- Ну как ты, Соловьева? Жива? – спросил Волков, доставая из кармана пикинувший смартфон и глядя в экран.

- Да, вполне, - ответила я. – Спасибо, Дмитрий Романович. Я просто не выспалась сегодня. Вот и всё. Ничего серьезного.

Волков хмуро кивнул, не отрывая взгляд от экрана телефона.

- Хочешь, подвезу тебя сегодня до дома?

Я остолбенела. Потерялась так, что у меня все слова в горле застряли. Мозг кричал «Конечно, хочу! Везите!», но так ответить я не могла, как-то неудобно было.

- Ну... Если вам не сложно... Буду Вам благодарна. А Вы на машине, да?

Волков посмотрел на меня и улыбнулся. Тепло улыбнулся.

- Стало быть, да, - сказал он. – Тогда договорились. У меня операция на завтра перенеслась. В общем, если срочных вызовов не будет – подвезу.

«Пожалуйста, пусть не будет никаких срочных вызовов», - пробормотала я про себя.

- Спасибо, - тихо ответила я, смущенно улыбаясь.

Я прошла к своему рабочему месту и принялась за работу. Надо как-то отвлечься от своих эмоциональных бурь.

Долго поработать я не успела. Где-то через полчаса дверь едва ли с каким-то мимолетным стуком широко и с грохотом распахнулась, и в кабинет, задорно улыбаясь, влетел сияющий позитивом молодой врач.

Он был хорош собой, среднего роста, худой. Его рыжие волосы были аккуратно уложены. Улыбка у него была, можно сказать, сногшибательная, а светло-зеленые глаза сразу очаровывали своим блеском. В целом, он был весьма красив и ухожен. Даже был несколько холёным. Дорогие часы, поразительный аромат одеколона, рубашка под халатом за несколько сотен евро, брюки, ботинки – все дорого и блистательно. В коридоре слышалось женское хихиканье и фразы «Ой, ну вот он вернулся!» или «Какой же он обалденный!»...

Я тихонько выглянула из-за монитора, наблюдая сцену, разворачивающуюся передо мной во всей красе.

- Волков! – влетая в кабинет, приветливо и бодро воскликнул врач. – Ну, привет! Мой отпуск состоялся!

- А, Котовский, - куда менее приветливо буркнул Волков, он вздохнул, распрямился и встал, чтобы обнять супер-энергичного коллегу. – С возвращением.

- Ну, Дмитрий Романович, что за погребальный тон? – расхохотался Котовский. – Я, право, скучал! Или ты из-за племянницы моей, Татьянки? Да ну её, дуру. Уже пристроил её на хорошую работу. Хватит стажироваться ей, а то так всю жизнь... В девках просидит.

- Не сомневаюсь, - добавил Волков, чуть сжав губы. – Что ж, Егор Сергеевич, надеюсь, ты не в обиде, ибо сил моих больше не было...

Котовский изящным и быстрым движением откинул челку и улыбнулся во всю свою белозубую улыбку.

- Да ну, что я, не знаю тебя, что ли, Волков, - сказал он. Подмигнув, он приобнял Дмитрия Романовича за плечи. – Мне бы твою популярность у женщин, я бы не знал, как с ней справиться. В чем твой секрет, а? Не в твоей ли неприступности? Но я так не могу! А Танька вообще огненная девочка, так что пришлось отправить ее в точку погорячее для работы – у нас это в крови...

- Пожалуй, я даже скучал по твоему бесконтрольному трепу, но всё же работа, Егор, - отозвался Волков. – Давай на перерыве. И не про эту пошлоту. Лучше расскажешь, чем тебе мир вокруг приглянулся. И время, время... Тем более что ты наверняка не заходил ещё к Надежде Григорьевне.

- Фух! – Отмахнулся Котовский. – Конечно, нет. Но как раз собирался! Надо, а то я уже обещался ей... Кстати, она мне сказала, что ты тут как-то в порыве мне свою помощницу передать на работу хотел...

Глаза у Волкова на секунду расширились. Он ошеломленно качнул головой.

- Ох, нет, это... было случайностью, - ответил Волков.

- А где помощница-то твоя? – оборачиваясь, спросил Егор. И в этот момент Котовский наконец-то меня заметил.

Я, естественно, встала из-за стола, чтобы поздороваться.

- Добрый день, - вежливо сказала я. – Соловьева Варвара Андреевна.

Весь веселый и напыщенный нрав Котовского вдруг словно бы куда-то испарился. Не испарился, нет, он как-то медленно поэтапно сошёл при его долгом и внимательном взгляде на меня. Прошло не менее половины минуты.

Я не поняла, что произошло. Котовский вдруг стал серьезен, даже внимателен.

- Варвара Андреевна... Варя, - совершенно изменившимся тоном произнес он. - Мне очень приятно.

Сказал это как-то тихо, даже почти растерянно. Я кинула быстрый взгляд на Волкова, и заметила, что тот наблюдает за Котовским хмуро, с холодным подозрением – видимо, ему тоже была непонятна такая реакция Котовского на меня.

- Мне тоже очень приятно, - смущенно улыбнулась я.

- Варя, - подходя ко мне, словно и вовсе позабыв о существовании Волкова, сказал Котовский. Егор оперся ладонью на мой стол и чуть склонил голову, глядя на меня со всем своим обаянием. – Можно мне задать вам всего два вопроса, и я тут же отстану?

- Егор, - начал было Волков, но Котовский выставил указательный палец вверх – мол, подожди.

- Э... - растерялась я. – Ну... Если Дмитрий Романович разрешит, я же на работе...

- Разрешит, конечно, - посмеялся Котовский, но Волкову все это явно совсем не нравилось.

- Котовский, - угрожающе начал он.

Егор повернулся к Волкову и умоляюще сжал ладони перед собой.

- Дима, прошу тебя! – сказал он шепотом. – Я тут же уберусь отсюда, и ты меня не увидишь до своего перерыва ни одного даже самого короткого раза.

Волков закатил глаза.

- О, Боже мой... Котовский, ты меня просто убьешь когда-нибудь...

- Не сомневаюсь, и все же... Варя! – снова возвращаясь ко мне и премолю улыбаясь, спросил Егор. – Скажите, вы замужем?

У меня округлились глаза не меньше, чем у Дмитрия Романовича.

- Нет, я не замужем, - начиная топить в себе раздражение, ответила я.

Терпеть не могу, когда начинают приставать. Котовский прижал руку к груди и улыбнулся, но ничего не сказал.

- Скажите, а могу ли я вас подвезти до дома после вашего рабочего дня?

Опа.

Я улыбнулась. Для меня выбора не было.

- Спасибо, Егор Сергеевич, - победно ответила я. – Но меня уже обещал подвезти Дмитрий Романович. Так что извините, я с ним.

У Котовского вытянулось лицо, он обернулся, глядя на Волкова так, будто бы у него вместо лица вдруг оказалась сковородка.

- Да вы что?! Дмитрий Романович?! – ошеломленно спросил Котовский. – Ушам не верю... Ну, раз так... Раз так. Что ж, было приятно пообщаться, Варя. Мне пора. Надежда Григорьевна ждёт. Дима, на перерыве переговорим. Жду тебя без всяких твоих левых интровертных отговорок.

Котовский, все ещё выглядевший так, словно на него вылили ведро ледяной воды, шагнул к двери, вышел из кабинета и закрыл за собой дверь.

- Наконец-то, - тихо процедил Волков, усаживаясь в кресло. – Котовский, видать, совсем с ума сошел.

Я покусала губы, не зная, что сказать. Вернулась на своё место, и усталилась в одну точку где-то на краешке зеленого справочника. Мысли в голове роились на подобии пчел, чего-то конкретного не было, но гаденькое ощущение от пристального внимания этого самого Егора Котовского не оставляло меня никаким образом.

- Варя, - видимо, заметив мою растерянность, позвал Волков. Я чуть ли не подпрыгнула, подняла голову и посмотрела на Дмитрия Романовича. – Ты с ним поосторожнее, сразу тебе говорю. Котовский... Он... В общем, любит девушкам головы кружить.

- Мне не закружит, - сразу и четко ответила я. – В конце концов, мы все здесь на работе.

- Радует твой настрой, - приподняв бровь, чуть усмехнулся Волков.

Я улыбнулась – да что мне вообще до этого Котовского... Когда со мной в кабинете сидит мужчина моей мечты.

Глава 7

У него был велилепный черный седан, судя по всему, почти новый. Салон был таким светлым и чистым, что меня даже кольнула зависть – смогла бы я, интересно, а я всегда была знатной чистюлей, так ухаживать за своим авто?

Я села спереди, пристегнулась ремнем безопасности и мельком огляделась в машине. Светлая кожа, светящаяся сенсорная приборная панель, прошитый крепкими нитями руль.

И никаких лишних деталей: антисептический гель, закрытая бутылка питьевой воды в подстаканнике, маленький флакончик с зеленой жидкостью у зеркала заднего вида. Флакончик в виде бутылки с абсентом, надо же. Я чуть улыбнулась – запах был приятный, но абсент совсем не напоминал, хотя было бы смешно.

Дмитрий Романович, сев за руль, также как и я пристегнулся и, повернув ключ зажигания, завел машину. Тихонько заиграло радио, какая-то стандартная частота, приятная для слуха, изредка перебиваемая ерундовой рекламой или приятным говором какого-нибудь диджея.

Волков коротко посмотрел на меня, я на него. Я чуть улыбнулась, но моя улыбка осталась без ответа – как всегда, в принципе.

- Как ты себя чувствуешь? – спросил он вдруг, глядя куда-то вперед через прозрачный наклон лобового стекла.

- Всё хорошо, - соврала я. – Спасибо.

Чувствовала я себя ужасно. Он, конечно, видел это. День выдался тяжелым, и мне пришлось прикладывать немало усилий к тому, чтобы работа не пошла под откос.

После разговора с Котовским Волков как-то и вовсе помрачнел, я даже под вечер пожалела, что согласилась на эти все подвозы. И пешком бы дошла. Только сейчас, сев в машину, поняла, что сил совсем нет.

Честно говоря, я думала, что мы будем молчать всю недолгую дорогу от клиники до моего дома, но как только машина тронулась с места, Волков заговорил первым.

- Варя, у тебя что-то случилось? Только не ври.

Я промолчала, но удивилась, если честно. С чего это у него такие вопросы? И с чего бы мне отвечать ему. Я вдруг подумала, что раз уж он начальник, то интересуется со стороны того, что мое состояние может отразиться на работе.

- Всё нормально. Почему вы спрашиваете?

Волков не ответил, свернув на маленькую улочку, замедлил ход и повернулся ко мне. Пронзительный взгляд его синих глаз заставил меня сжаться – то ли от чувств, то ли от строгости. Я так и не поняла.

- Котовский рассказал мне, что два года назад он был на практическом выезде в Солнечногорске...

Я вздрогнула, даже дернулась, отодвигаясь к окну.

- Что... - прошептала я, въедливо вглядываясь в лицо Волкова. – Что Вы хотите у меня узнать? Что?

- Варя. – Волков остановил машину. – Он просто сказал, что был в Солнечногорске два года назад и, кажется, видел тебя в Центральном медицинском центре.... Ты же вроде там работала?

- Да-да, работала, - начиная ощущать легкую нервную дрожь, ответила я. – Я работала там... Да. Не помню Котовского. Наверное, пересекались... Я в хирургии ведь работала тоже.

Я трещала без умолку, опустив взгляд вниз, и даже не замечая, как глаза начинает щипать всё сильнее и сильнее. И вот уже слёзы, такие крупные, солёные, даже горькие, торопливо заскользили по щекам.

- Варя... - удрученно произнес Волков. Я подняла лицо, и поняла, что мы стоим у моего дома во дворе. Что вон там, прямо за вишней, виден мой подъезд. Я посмотрела на Дмитрия Романовича.

Тот был хмурым, губы его были плотно сжаты – и весь он выглядел очень сурово, холодно, но в глазах я читала то ли боль, то ли сочувствие, сама не могла понять.

Он вот сейчас назвал моё имя. Для чего? Позвал меня? Зачем? Чтобы сообщить, что мы приехали? Чтобы спросить что-то еще? Да, я была не в себе. Особенно сегодня. Вылететь с работы за это – меньше одной секунды, но это только сегодня, правда. Только сегодня я так расклеилась. Словно бы кто-то что-то подсыпал мне в воду с утра, и всё...

Всё, хватит.

- Вы знаете о том, что там произошло, в Солнечногорске? – спросила я ровно. – Два года назад?

- Знаю, да, - ответил Волков. – Один из врачей... пытался убить свою девушку в их съёмной квартире. Совершить какой-то зверский ритуал или что-то такое.

Я промолчала. Не могла говорить больше. Внутри все болело и рвалось на части.

- Спасибо, что подвезли, Дмитрий Романович, - я схватилась за ручку двери.

- Соловьева...

Я закрыла глаза.

- Это я была этой девушкой. Меня спасли только потому, что соседка позвонила в дверь – она хотела спросить про свою кошку. Вот так, представляете? Просто вжух, и вот так – позвонила второй раз за весь год, что мы жили там. Жить мне хотелось, знаете. Очень хотелось. Я уже не помнила себя от боли, но в сознании была, и мне каким-то чудом хватило сил закричать, - сказала я так, словно бы отвечала на судебном заседании. Немного помолчав, я продолжила. – Он сбежал. Его поймали потом, и уперли в психушку. Но я... - Я посмотрела на Волкова. – Я бы умерла, если бы не врач, который возился со мной двенадцать часов, не покладая рук.

Волков отвернулся, устремляя мрачный взгляд куда-то в темноту, за капли, ползущие по стеклу. Начался дождь. Небо стало не просто сумрачным, но каким-то страшно-холодным, темным, давящим.

- Мне жаль, - тихо сказал он.

Я покачала головой.

- Мне жаль только, что я так и не узнала, кем он был, этот врач. Он был проездом в этом... незабываемом теперь для меня Солнечногорске. – Я прикусила губу, побегала взглядом, рассматривая двор: спешащих в подъезды старушек, людей, открывающих зонтики, темнеющий от воды кирпич. Свет, зажигающийся в окнах. Он будто бы меня согревал, этот свет. – Меня при первой возможности для перевода увезли в Москву, и дальше всё. Я больше не хотела возвращаться в ту страшную историю ни вопросами, ни мыслями, ни чем-либо ещё. Просто закрыла эту станицу, оставив всё в прошлом. И плевать мне на всю эту психотерапию. Я просто не могу.

Мы молчали, наверное, ещё минут пять. Потом я нашла в себе силы повернуться к Волкову.

- Вы теперь уволите меня?

Он вдруг рассмеялся.

- Ну, ты мнишь меня большим страшным волком, кажется?

Я улыбнулась, и Волков вдруг протянул ко мне руку, уверенно так, без всяких сомнений, и оттер пальцами мои слезы со щек. Я замерла – от какого-то восторга, неожиданности. Мои глаза распахнулись, и сердце, кажется, готово было выпрыгнуть из груди. Его пальцы были шершавыми, сильными. Мне хотелось закрыть глаза и повернуться щекой к его ладони, прижаться к ней лицом. Но я вовремя себя остановила.

- Я не уволю тебя, Варя, - сказал он вдруг серьезно. – Ты прекрасный работник, и замечательная девушка. И знай, у всех что-то где-то есть. Такое горе или боль, что сердце может разорваться, если долго за все эти горестные нити дергать. Знаешь, я четыре года прожил с женщиной, которая изменяла мне, ненавидела меня, качала из меня деньги, при этом считала лучшим мужчиной в своей жизни. Она хотела, чтобы я был ее эталонным, красивым, воспитанным и образованным мужем, известным врачом-светилом, пока она проводит время в борделях и развлекается с садовником на соседской даче или с сантехником из нашего же домового ТСЖ. Ей хотелось надежный тыл для веселой и разгульной жизни, а я ненавидел только себя, зная, что когда-то согласился на её обалтывания о том, что мы будем прекрасной парой, семьей, родителями. Я предал себя в тот момент, когда женился на той, кого не любил и не хотел любить. Остальное – расплата. До сих пор расплачиваюсь, если честно.

- У вас-то точно всё будет хорошо, Дмитрий Романович, - прошептала я.

Он усмехнулся.

- Почему это?

- Потому что вы - хороший человек.

Волков посмеялся.

- А ты плохой, что ли?

- Не знаю, - пожала плечами я. – Но вы спасаете людям жизни, и я уверена, что Бог вас не оставит. А я не могу так... Мое лечебное дело, которое я окончила в меде – это моя мечта, но... Я так и не смогла решиться стать настоящим врачом – кишка тонка, я слишком боюсь нанести людям вред. Все мы допускаем ошибки, я не прощу себе, если допущу.

- Ты делаешь то, что можешь в меру своих сил, и ты тоже помогаешь, не меньше моего – все мы винтики одной системы. Выпадет один – рано или поздно где-то что-то пойдет не так, - сказал Волков серьезно. – А теперь иди, тебе надо выспаться и отдохнуть.

Я вышла из машины и направилась к своему подъезду. Обернувшись, уже когда домофон запищал об открытии двери. Белые фары горели в осеннем тумане, Дмитрий Романович смотрел на меня. Я почти не видела его красивого лица, но от всего сердца в эти странные минуты, мне хотелось, чтобы он пошел со мной, остался со мной в моей квартире... Остался со мной навсегда. Чтобы я больше никогда не была одна. Ведь это незнакомое мне ощущение того, что он моя самая крепкая защита, не оставляло меня до сих пор.

Мое сердце рвалось и болело. Но когда я смотрела в его синие глаза – я тонула в самом глубоком мире спокойствия. Я вошла в подъезд, в полутемный, сухой и пыльный, и все уличные звуки будто бы разом исчезли.

Я закрыла глаза и улыбнулась. Большой, страшный волк... Я влюблена в Вас. Не отпускайте меня ни за что...

Глава 8

Великолепная высотка, где приобрел себе недвижимое имущество Котовский, была построена совсем не так давно и была расположена недалеко от места, где некогда располагался старинный кинотеатр, мой любимый, кстати, и, к сожалению, ныне снесенный под самое основание. Котовского, как мне казалось, больше подкупил лозунг «Жизнь высших на высоте», нежели, чем всё остальное, хотя всё остальное как раз было весьма на высоте. Кроме этого лозунга.

Внутридомовая территория была колоссально приятной – со всеми этими зонами отдыха, зеленым газончиком, прудиком, лавочками и изящными дорожками. Все идеально. Как и сами дома с блестящими от чистоты и лоска подъездами, с охраной, камерами, консьержами, стойкой информации и так далее. Мне всё это напоминало больницу или даже нашу клинику.

В общем, красота красотой, все эти дома.

Не считая только того, что район, в котором я прожил больше тридцати лет, превращали из дня в день как будто бы совсем в другое место.

Блестящие лоском подъезды, великолепные окна, огромные квартиры. У Котовского была холостяцкая квартира – двушка, дизайн-проект которой делала ему девушка, с которой он успел не раз переспать в этой же квартире. В любом случае, сделала она ему дизайн квартиры вполне себе на уровне. Кухня с монолитными панелями без ручек, как нынче было модно, квадрат света на потолке, навороченная встроенная техника, не менее навороченная сантехника.

Кухня у него была объединена с гостиной, где часть была выделена под столовую – белый стол, голубые мягкие кресла высшего качества и дизайна, а там, у второго окна диваны из коричневой кожи, низкий столик из стекла и телевизор во всю стену. Котовский обожал вечеринки. Я бывал на одной из них, с которой мне с трудом удалось сбежать. После чего избегал приглашений на подобные мероприятия всеми своими силами. Квартира Егора так же отличалась двумя огромными санузлами, в одном из которых была ванная со стеклянной шторой. Про штору Котовский мне почему-то всё время задвигал, что эта вещь добавляет определенный шарм в сексуальные отношения с девушкой, которую плохо знаешь. Каждый раз я раздумывал над тем, что именно он имеет в виду, но звучало это его умозаключение как-то не очень.

Во втором санузле у него была постирочная. Как по мне попрacticalней шторы будет. Собственно, комнаты в его квартире заканчивались просторной спальней с огромной кроватью, гардеробным отделением и с панорамными окнами почти во всю стену.

Вид, конечно, из окон был хорош, и сама квартира вызывала приятные ощущения, но моя малогабаритная по современным меркам, хотя и побольше площадью, чем двушка Котовского, четвершка в доме тридцатых годов мне всегда казалось куда уютнее, практичнее и лучше.

Впрочем, Котовский меня не понимал. Хотя моя квартира, и ремонт, в который я вложил, надо сказать, немало денег его основательно поразили, когда он пришел ко мне в гости впервые, но он не уставал повторять о том, что старый и гнилой фонд с деревянными перекрытиями – дремучий век... а тут Олимп со всеми новоротами! Это вам не два угла для сравнения.

Дизайн-проект мне, кстати, тоже делала весьма талантливая девушка, закончившая архитектурный. Только я с ней, в отличие от Котовского, спать не собирался. И дизайн, между тем, вышел тоже на весьма приличном уровне.

- Дима, Дима! – обнимая меня в прихожей, заверещал Котовский. – Как давно не сидели! Кофе будешь? Или виски?

- Я за рулем, Егор.

- Ах, ну да, - поправляя свой щегольский халат, почесал подбородок Котовский. Он хитро улыбнулся. – Ты Варю подвозил?

Я молча повесил пальто на крючок и посмотрел на Егора.

- А что ты волком-то на меня смотришь, Дим? – обиженно развел руками Котовский. – Я просто спросил. Ты вообще можешь машину у меня оставить и пешком до дома дойти, так что и выпить...

- Егор. Всё, - отрезал я, и направился в ванную. – Ты меня сюда для чего тащил? Ты же знаешь, что день сложный – для посиделок не самый удачный.

Котовский помолчал, звякая в кухонной зоне посудой.

- Да, - сказал он. – Я поговорить хотел.

Я прошел мимо гостиной и сел на голубое кресло в столовой зоне. Котовский принес две чашки крепкого кофе, поставил одну передо мной и чуть прищурился.

- Так говори, - ответил я, отпивая обжигающе горячего кофе.

- Варя... Эта Варя, как я уже говорил, та самая Варя Соловьева из Солнечногорска, – заговорил он на ту тему, какую я от него и ожидал услышать.

Я молча кивнул.

- И всё же... Как это так вышло, что она вдруг здесь оказалась? – искренне удивляясь, спросил Егор.

- Ничего удивительного в этом нет, - ответил я, делая ещё глоток кофе. – Ещё тогда в больнице, Иванова про её документы говорила, что она москвичка, мол, с Шаболовки. Я ещё подумал – надо же. Соседи. Ты сам знаешь, что Варя просто работала в медицинском центре, где они и познакомились с этим... ублюдком.

- Денисом, - почему-то поправил Котовский. – Тарасов Денис, кажется.

- Совершенно не имеет значение его имя. – Котовский поджал губы на мои слова – вечно обижается на какую-то ерунду. – Кроме как зверюга и ублюдок, я его назвать никак не могу...

- Дим, ну он же не в себе, - спокойно добавил Котовский. – Пациент. А тебя понесло.... Неравнодушен ты к Варе, всё-таки, а.

Кольнуло. Где-то внутри кольнуло кошачьим коготком и дернуло.

- Что, значит, неравнодушен? – буркнул я. – После всего того, что тогда произошло, конечно, неравнодушен – мне хочется ей помочь в себя прийти, Егор, она пострадала... А ты с чего это вдруг защищаешь того гада? Вот этого я как раз не пойму. Пациент он...

- Так что насчет Вари? - как-то резковато спросил Егор. Но через минуту как будто бы пришел в себя. - Насчет вас с Варей?

- Мы просто коллеги, - ответил я. – Не знаю, как уж так вышло. Но на всё воля Божья, раз Варя вновь появилась в нашей жизни. Она хороший работник. Хотя и ранимая очень девочка, но после всего и неудивительно, хотя, думаю, что она всегда такая... Пытаюсь научиться с ней работать - я для неё, конечно, жестковат манерой, а ранить ее лишний раз очень не хочется...

Котовский помолчал. Я тоже говорить не торопился. И так уже растрещался. Хватит. Егор выглядел задумчивым. Он всё смотрел в свою чашку кофе, и всё никак словно бы не мог успокоиться. Такое ощущение, что голову ему теснили самые разные вопросы.

- Ты скажешь ей? – спросил Котовский.

Я пристально посмотрел на него. Мы почти сцепились взглядами, но я молчал. И он молчал тоже.

- Нет, - наконец ответил я. – Она сказала, что ничего не успела узнать о враче, который её спас, хотя и очень хотела. А после того, как уехала в Москву поспешила всё забыть. Я не хочу ей напоминать об этом.

- Ты сам не перестал об этом думать, правда ведь?

Я усмехнулся.

- Знаешь, со мной такое впервые было – мне до сих пор кажется, что ничего кошмарнее в жизни я не видел.

Я замолчал, допил кофе и направился в прихожую. Надо было ехать домой, завтра операция.

Прощаясь с Котовским, спускаясь вниз и уже садясь в машину, я всё думал об этом нашем разговоре. О том случае в Солнечногорске. У меня до сих пор перед глазами те страшные картины стояли, хотя уж я на своем веку успел повидать немало случаев, да и операции разные были. Но Варя... Варя стала первым случаем того, отчего моё сердце раскололось вдребезги на тысячи осколков.

Я всё помнил... Всё до последней детальки, словно бы это было вчера.

- Волкова сюда! Волкова быстро! – орал Котовский, расталкивая плечами людей в медицинской форме.

- Здесь я Егор, здесь... - ругаясь на себя за свою нерасторопность, я вошел в маленькую квартирку – ветхую, с закоптелыми потолками, старую, но чистую и довольно уютную.

Она лежала на кухне. Я не мог сделать даже шага. Увидел её и словно бы врос в землю, хотя Котовский орал, как ненормальный, да и люди из скорой всё пихали меня в плечи.

Она была как будто ненастоящей. Нарисованной, может быть. Тонкая, словно тростинка. В коротком белом платье в мелкий синий цветочек с открытыми плечами и в луже крови... Господи, мне было впервые в жизни страшно от того, что я видел столько крови. Она была на полу маленькой шестиметровой кухни, везде, казалось – то расплывалась пятнами, то словно бы тянулась линиями, складываясь в какие-то узорные рисунки или знаки.

Девушка, обычная девушка: темно-коричневые волосы, бледное лицо, прямой нос.... Волосы её слиплись, казались грязными, даже черными, глаза были прикрыты. А губы бледные, бескровные, как и все тело. Она показалась мне очень красивой, хотя и была совсем обычной по меркам большинства.

Девушка была вся в ранах... Множество ран, ссадин, ушибов – боролась с ним, с этим ублюдком. А главные порезы те три: на шее, где-то на боку, кажется, не видно отсюда, и под ребром – та самая страшная, зияющая черной бездной. Там был нож. Они уже вытащили.

Потеря крови была колоссальной. Спасти её – это очень-очень маленький шанс.

Меня словно бы вышибло куда-то в реальность, я кинулся к девушке, подхватил тонкое, почти прозрачное запястье и, напряженно считая пульс, начал давать команды Котовскому.

У нас очень мало времени. Но мы можем успеть.

- Как зовут? – шепнул я Котовскому, уже когда были в больнице.

- Варя. Соловьева Варвара Андреевна.

Я закрыл глаза, устало вздыхая. Мерно пищала аппаратура, звенели инструменты. Как много работы, как много сил ей надо, чтобы выжить, чтобы вынести это...

«Варя, Варечка... - думал я. - Не умирай».

Глава 9

Я сложила договора в идеально ровную пластиковую папку и убрала в нижнее отделение стола. Передам Оксане, пусть в бухгалтерию занесет.

- Как всегда – ничего не изменилось, ни обслуживания нормального, ни отношения... - услышала я над ухом. Я всматривалась в строчки справочника с выписанными из клиники за последний месяц пациентами, и даже ещё не успела увидеть, кто это говорит. Но голос пренебрежительный, женский, тягучий. – Девушка, вы вообще чего-нибудь видите вокруг, кроме своих бумажек-какашек?

Я вскинула брови. Навык работы с клиентами – единственное, что было отточено во мне на все сто процентов, поэтому панцирь у меня был крепким, можно было даже не волноваться. Первое, что я заметила, что длинноногая и худая вся из себя блондинка лет тридцати, даже не удосужилась надеть бахилы. Второе – хамское обращение. Третье – лицо её, хотя и красивое, но сочилось таким знатным презрением, что я даже поёжилась.

Блондинка была одета в высокие сапоги, короткое платье оливкового цвета, короткую кожанку. Волосы её были длиной до плеч, светлые, хорошо уложены. Лицо узкое с ярко подведенными зелеными глазами, курносый носиком и мягким изгибом губ.

- Здравствуйте, - ответила я ровно. – Наденьте, пожалуйста, бахилы. И снимите, пожалуйста, верхнюю одежду – её можно сдать в гардеробную комнату на первом этаже или повесить на одну из вешалок, что стоят у окна.

У блондинки вытянулось лицо.

- Ты вообще знаешь, с кем ты разговариваешь?

- Будьте добры, соблюдайте дистанцию и правила этикета, иначе мне придется позвать заведующую отделением, и вы будете разговаривать с ней.

Блондинка вдруг прищурилась. Она некоторое время вглядывалась в мое лицо, медленно, даже подробно осматривала, гуляя взглядом сверху вниз.

- Ты Соловьева, - тихо выдохнула она. – Ах, ты же Соловьева!

Я удивилась. Хотя я и носила бейджик, но мне показалось, что женщина узнала меня сама по себе. Как странно, уж я абсолютно точно её знать не могла. Эту бы я запомнила.

- Я видела. Он подвозил тебя неделю назад, - она прищурилась, сверля меня ещё более вездливый взглядом. – Мой бывший муж. Волков. Вот оно что... - Она хлопнула себя по бокам, так, что её маленькая кожаная сумочка качнулась из стороны в сторону. Женщина возмущенно посмотрела куда-то в сторону и покачала головой. Как хорошо, что кроме Любаши и Оксаны в зале никого не было – клиенты были бы в шоке. – Вот оно что! Нашел себе шлюху на работе!

- Эй! – возмущенно воскликнула я наравне с Оксаной и Любашей. – Вы выражения-то выбирайте! И нечего тут придумывать всякую ерунду!

- Вы должно быть Арина Волкова? – спросила Оксанка, складывая руки на груди и угрожая глядя на блондинку.

- Не Волкова! – выпятив палец и размахивая рукой из стороны в сторону, возмутилась Арина. – Я не ношу эту позорную фамилию уже больше года! Калинова!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.